

Вырезка из газеты СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

от . . .

Москва

Газета №

28 Август 1969

СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

ДВА ВЕЧЕРА

(Письмо из Берлина)

Пятница, 13 августа. Подъезд Альмира - Палестра — здания немецкой оперы. Сегодня здесь выступает Краснознаменный ансамбль песни и пляски Советской Армии. До начала концерта еще долго, а к подъезду театра уже трудно пробраться. Билеты были распроданы за неделю вперед, однако тысячи людей самых различных возрастов и профессий сейчас терпеливо стоят и ждут. Непрерывно раздается один и тот же вопрос: нет ли лишнего билета?

Зал, вмещающий свыше полутора тысяч зрителей, заполнен до отказа. Люди — в проходах, теснятся у дверей. Концерт транслируется по радио для всей Германии.

Программу открывает величественная, праздничная «Кантата о Сталине». За ней следуют одна за другой народные песни, произведения советских композиторов и классиков. В зале царит необычайное воодушевление. В паузах между номерами люди срываются с мест, восторженно аплодируют. Дождь цветов засыпает сцену. Ансамбль вынужден бисировать почти каждый номер. Такую же бурю аплодисментов вызывают танцы и пляски, исполненные танцевальной группой ансамбля.

Я видел, как во время танцев диктор, ведущий концерт, возбужденно размахивая руками, что-то восторженно кричал в микрофон. Кричал, потому что среди шума непрерывных оваций невозможно было разобрать ни одного слова, сказанного спокойным тоном.

Радость подлинно человечного, жизнерадостного искусства нашла отклик в сотнях благодарных сердец. И зал как бы преобразился, — он сделался светлее и просторнее.

Медленно, с неохотой расходятся люди после концерта. К столикам, на которых лежат книги отзывов, трудно пробраться. Здесь стоялись те, кто хочет выразить ансамблю свою признательность. Взглянув на открытую страницу книги, я увидел такую запись:

«...Я бывший боец Интернациональной бригады в Испании. Дважды в жизни я испытал такое волнение. Первый раз — когда наша бригада входила в 1936 году в Барселону и женщины встречали нас как героев, несущих Испанию освобождение от фашистского рабства.

Второй раз — сегодня. Спасибо...».

За этой записью следовали другие: «А нам столько лет лгали, что этот народ хочет уничтожить культуру!!!».

«Такое искусство могут творить только Люди с большой буквы».

«Как много в вас жизненной силы и темперамента».

У выхода из театра я встретил главного директора Немецкой оперы Легала.

— Нашему театру уже не один десяток лет, — сказал он, — на его сцене выступали многие знаменитости мира, но никогда публика так бурно не выражала своих чувств, как сегодня.

Ваша артисты недолго завладели сердцами берлинцев.

Это было в пятницу...

А в субботу мне довелось побывать в Хебель-театре (американский сек-

тор Берлина), где шла пьеса «Мухи» небезызвестного Сартра.

У входа в Хебель-театр тоже толпились люди. Но это совсем другая толпа, не похожая на ту, которую мы видели вчера перед зданием оперы. Здесь собирались надменные, самодовольные буржуа, с крикливыми шиком разодетые дамы, длинноволосые франты в широкополых шляпах. Здесь же, у театрального подъезда, идет бойкая торговля американским шоколадом и сигаретами «Кемель». Черная биржа действует без всякого стеснения. Два полицейских из шайки Штумма делают вид, будто не замечают того, что творится вокруг, и leisurely посматривают на небо, на тяжело груженные американские самолеты, то и дело пролетающие на запад.

Третий звонок. Публика занимает места. Подымается занавес. На сцене — три неуклюжие угловатые стены без окон с низкими черными дверьми. Стены густо обрызганы кровью. Чуть в стороне — столб с насаженной на него огромной, страшно изуродованной головой.

Над всем этим протянут холст с зловещим черным пятном на желто-красном фоне. Пятно должно изображать угасшее солнце. Со сцены как бы веет запахом крови и трупным смрадом. За кулисами раздаются дикие, истощенные крики.

События в пьесе разворачиваются. Воют в могилах мертвцы, хоромплачут и стонут от ужаса жалкие, изможденные людишки, нищие и безвольные. Эти юродивые в черных отрепьях должны, по замыслу автора, изображать народ. Небезынтересно отметить, что постановку этой пьесы американская военная администрация поручила скандально известному в берлинских театральных кругах морфинисту и шизофренику Юргену Фелингу. Он приложил все усилия, чтобы оправдать доверие своих хозяев. За три часа на сцене, как в дьявольском калейдоскопе, мелькают десятки действующих лиц — выродки, убийцы, призраки, вплоть до отвратительных гигантских мух, наделенных человеческой речью и человеческими пороками. Все персонажи пьесы — обезображеные, с бледными, могильными лицами и с большими, неестественно раздутыми животами.

С циничной откровенностью и обстоятельностью автор и постановщик показывают все разновидности безумия, эпилепсии, предсмертной агонии. В конце пьесы, когда туча жирных гигантских мух-вампиров с диким воем бросается вдруг в рампе, в зале раздаются истерические вопли, кто-то теряет сознание. Хочется скорее выйти из этого смрадного зала на чистый воздух.

Какая непроходимая пропасть отделяет этот растленный и циничный буржуазный театр от того высокого утверждающего искусства, с которым познакомил вчера берлинцев Ансамбль песни и пляски Советской Армии. Вот они, два искусства — два мира, не похожих друг на друга, как может быть не похож солнечный день на темную ночь.

Л. ПОЛЯКОВ.